

ФИЛЬМ «Золотой теленок» по одноименному роману Ильи Ильфа и Евгения Петрова вышел на экраны. Нескольких этих слов, я думаю, достаточно, чтобы привлечь интерес зрителей. Более подробных рекомендаций, пожалуй, не понадобится. Слишком широк круг читателей и почитателей романа. Слишком велико обаяние таланта Ильфа и Петрова. Фильм наверняка захотят увидеть многие. И многие начнут придирчиво сверять его с книгой. Экранного Остапа будут сопоставлять с тем, что сложился в читательском воображении. Будут судить и рьять, похож или не похож рыжий Шура Балаганов, этот «Золотой осел» — так кратко и выразительно называли его Ильф и Петров в черновых заготовках к роману, — на самого себя. И Паниковский тоже. И Адам Козлевич, водитель незабываемой «Антилопы». И, наконец, зловещий подпольный миллионер Кореико.

Впрочем, слишком простые, односложные решения — «похож не похож», как правило, мало что объясняют. Например, Остап в исполнении талантливого актера Сергея Юрского и внешне, и внутренне не слишком-то похож на Остапа из романа Ильфа и Петрова, хотя я бы поостерегся утверждать, что кино-Остап целиком вышел из головы автора сценария и режиссера — постановщика фильма Михаила Швейцера. В чем-то оба Остапа сохранили черты фамильного сходства. В чем-то режиссер даже следовал за книгой с завидной точностью. Однако у него есть свое представление о романе как о лирической повести и гражданском монологе, есть своя сверхзадача — рассказать зрителю «занимательную и поучительную историю о правильном выборе жизненного пути», и, соответственно, одни черты он усилил, зострил, другими чертами, увлекшись, пренебрег, и, на мой взгляд, в ущерб фильму.

В романе нет-нет, а проскользнет нотка сожаления о том, что вот-де способный, обаятельный, остроумный Остап родился, как говорится, не на той улице и недюжинные свои способности ухлопал на то, чтобы утвердиться на позициях «частного лица», ни в чем не пожелавшего зависть от общества.

Что же, все 400 «сравнительно честных» способа отъема денег, которыми при случае любил прихвастнуть Остап, остались при нем и в «Золотом теленке». Но вот беда, зачем нужны были Остапу его «несгораемые идеи», если «частнику бедному» с каждым днем все труднее становилось их реализовывать? А когда в конце концов Остап все же овладевает заветным миллионом, то со всей очевидностью выясняется, что в обществе, где господствует дух коллективизма, он не сможет утвердить себя с помощью денег как «резко выраженную индивидуальность». Затраченные усилия оказались бесплодными, цели — иллюзорными.

Важная эта мысль живет в романе, составляет внутренний его пафос. Это только недоброй памяти критики рапповского толка сомневались в том, а есть ли что-нибудь в книгах Ильфа и Петрова, кроме «голого смехачества», «смеха ради смеха», и сердито упрекали

ОСТАП БЕНДЕР В КНИГЕ И В КИНО

«ЗОЛОТОЙ ТЕЛЕНОК»

Производство киностудии «МОСФИЛЬМ»

обоих авторов за анекдотизм. Но мы-то хорошо знаем, как серьезен был замысел этих смешных и веселых книг. Очень смешных. И очень веселых. Не зря ведь несколько поколений советских людей, смеясь, знакомились с Остапом Бендером, и даже в ту печальную для него минуту, когда, избитый и ограбленный, он чуть было не погиб от рук пограничной стражи, смеясь, расставались с ним.

Да, крушение «Великого комбинатора» в романе Ильфа и Петрова было и остается событием поучительным и в то же самое время в высшей степени комическим.

А на экране смех если и не совсем исчез, то все же основательно потускнел, так что крушение Остапа неожиданно обернулось чуть ли не драмой. И сам Остап, как лицо драматическое, обрел некую значительность.

Не будем, однако, представлять Остапа фигурой более крупной, чем хотели того сами писатели. Иначе очень легко сбить масштабы, потерять ориентиры. Конечно, крах потерпел не мелкий жулик Шура Балаганов, так и оставшийся героем заурядной уголовной хроники. Потерпел крах сам «Великий комбинатор», которому этот полшутливый, полусерьезный титул поднесен Ильфом и Петровым отнюдь не случайно.

Досадно было бы увидеть экранного Остапа грубей, глупей, проще и примитивней, чем в романе. А с другой стороны, стоило ли представлять «Великого комбинатора» интеллигентом, интеллектуалом, человеком с извечной грустинкой в глазах?

В актерском облике С. Юрского мне всегда нравился присущий ему интеллект. Нравится он и в фильме «Золотой теленок», но безотно-

сительно к образу Остапа Бендера, потому что печальный неудачник — это, на мой взгляд, некое насилие над образом изобретательного плута, созданным фантазией Ильфа и Петрова. Если читатель романа незначителен и пожалует о том, что хитроумный Остап родился не на той улице (но коль скоро это случилось, то на улице, где Остап родился и проживает, он чувствует себя как рыба в воде), то зритель фильма «Золотой теленок» не раз поймает себя на мысли, что экранный Остап явно забрел не на ту улицу и что ему здесь частенько должно быть, действительно, не по себе.

Странная вещь! В свое время мне довелось читать сценарий будущего фильма. Юмор, этот очень ценный металл, как любил его называть Евгений Петров, в полной мере сохранил там свою силу. Но вот появился фильм. Написанное в сценарии ожило на экране, и все сместилось, и все обрело новый оттенок.

Что же сыграло в этом решающую роль? Задумчивый взгляд Юрского? Или грустный осенний пейзаж с опавшими листьями, по которым шагает Остап, навсегда разлучаясь с Зосей Синицкой? Или, может быть, жалкий старик Паниковский, скорее жалкий, чем смешной, так что и смеяться-то над ним, право же, грешно, неловко? Сыграло свою роль и то, и другое, и третье, и четвертое... И, конечно же, позиция режиссера, взявшегося рассказать с экрана лирическую повесть — полусмешную-полупечальную — и подчинившего все компоненты фильма своему замыслу.

Я не разбираю новую кинокартину во всех деталях. В пределах задачи, поставленной перед собой ее авторами, она сделана добросовестно, с точным ощущением времени — времени первых пятилеток — и хорошо разграничена большинством актеров. Мне жаль, что так мало сохранилось в ней «ценного металла» — юмора, что нарушились законы комедийной игры и что в фантастических проделках Остапа Бендера пропали веселое озорство и непринужденность. Серьезную «фаустовскую» проблему — не все в жизни покупается за деньги — мы постигали в романе смеясь. В кино она слишком отяжелела походную сумку Остапа.

У фильма М. Швейцера есть сторонники, которые со всем удовольствием принимают картину и высказывают о ней иное мнение. А мне в кино с таким Остапом было невесело. Может быть, потому, что до сих пор я ни разу не соскучился в его обществе, читая и перечитывая роман.

Б. ГАЛАНОВ

Кит. газет, Москва, 1968, 24 июля, №30

Кадр из фильма «Золотой теленок»